

«ДВА ПОЛЮСА ОДНОГО ПОЛИСА», ИЛИ ПУТИ ОБРЕТЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ НА ЗАКАТЕ ЭПОХИ КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ

Главным образом, на примере кризиса античного полиса рассматриваются причины возникновения двух поведенческих матриц, названных Э. Фроммом модусами бытия и обладания.

Ключевые слова: кризис полиса; модус поведения; Алкивиад; Платон; Сократ.

Бурное развитие греческой полисной системы, в конечном итоге, привело к тому, что Эллада оказалась втянутой в масштабную междоусобную Пелопонесскую войну (431–404 гг. до н.э.). Это ознаменовало начало этапа, который в историографии принято именовать *кризисом полиса*. Как ни парадоксально, но именно V в. до н.э., по мнению многих исследователей, стал тем столетием, когда греческая полисная система достигла сначала своего наивысшего расцвета, а затем и своего краха. Вот что пишет по этому поводу известный отечественный антиковед Э.Д. Фролов: «В самом деле, пора наивысшего расцвета в Древней Греции полисной цивилизации – эпоха так называемого *Пятидесятилетия*, т.е. время от решающих побед греков в борьбе с персами и до начала междоусобной Пелопонесской войны (479–431 гг. до н.э.), совпадает с началом развития и таких тенденций, которые скоро должны были подточить фундамент этой цивилизации. Скажем яснее: греко-персидские войны, в ходе которых полисный строй столь убедительно продемонстрировал свои преимущества перед восточной деспотией, резко стимулировали общественный прогресс, а в этом прогрессе и были заложены исторические основания кризиса полиса» [1. С. 15].

С одной стороны, в результате войн с персами произошло настоящее оплодотворение греческой экономики. Помимо набирающих обороты ремесла и торговли, толчок к развитию получили и некоторые отрасли товарного земледелия, например производство вина и масла. Это привело к расширению и укреплению крупных рабовладельческих хозяйств, где задействовали новых захваченных рабов. К этому времени относится возникновение крупных состояний в Элладе, как об этом можно судить на примере афинянина Каллия, разбогатевшего за счет добычи, взятой у персов при Марфоне» [1. С. 15].

С другой стороны, такое быстрое и мощное развитие товарно-денежных отношений способствовало «эрозии» фиксированных установок греческого общества и оперативному закреплению новых, актуально-моментальных [2]. Иными словами был запущен процесс разложения традиционных полисных ценностей (как аристократических, так и демократических), что, в конечном итоге, привело к возобладанию новых, крепко связанных с безудержным стремлением к наживе. Ввиду этого на авансцене истории появляются новые агенты социального поля (термин П. Бурдьё [3]), которые и становятся носителями такого уклада.

Если воспользоваться терминологией известного немецко-американского психолога и социолога Эриха Фромма, то можно сказать, что для данного типа людей характерен тип поведения, именуемый модусом обладания. Вообще, он выделяет два модуса поведения –

модус обладания и модус бытия. Природа обладания вытекает из частной собственности. При таком способе существования самое важное – это приобретение собственности и мое неограниченное право сохранять все, что я приобрел. «В буддизме этот способ поведения описан как «ненасытность», а иудаизм и христианство называют его «алчностью»; он превращает всех и вся в нечто безжизненное, подчиняющееся чужой власти» [3. С. 103]. Модус бытия, по мнению Фромма, встречается гораздо реже и имеет в своем основании независимость, свободу и наличие критического разума. «Его основная характерная черта – это активность не в смысле внешней активности, занятости, а в смысле внутренней активности, продуктивное использование своих творческих потенций» [4. С. 114].

Закрепление нового уклада происходило во всех греческих полисах, однако на территории Аттики это проявлялось ярче и быстрее. Причиной тому служило то, что Афины являли собой, во-первых, образец наиболее развитого и урбанизированного городо-государства, а во-вторых, относились к тем полисам, основу экономики которых составляла торговля (Фивы и Коринф также были яркими представителями этой группы). Этому способствовала и деятельность Фемистокла (ок. 525 – ок. 460 гг. до н.э.), который не без успеха побуждал афинян к увеличению военного флота во время греко-персидских войн. «Затем понемногу он начал увлекать граждан к морю, указывая им, что на суше они не в состоянии померяться силами даже с соседями, а при помощи сильного флота могут не только отразить варваров, но и властвовать над Элладой» [5. Т. 1. Фем., 4]. Помимо унижения гражданского достоинства состоятельной части афинских граждан, этой реформой Фемистокл также сделал первый шаг к предоставлению прав черни и безземельным фитам, «потому что их стали бы употреблять на гребную и матросскую службу во флоте и их заслуги государству рано или поздно должны были бы вознаграждаться большими правами» [6. С. 155].

Далее на протяжении V в. до н.э. государственная политика лидеров Афинского полиса только инициировала социальное расслоение и способствовала разрушению традиций. Служба во флоте стала неплохим источником дохода, а участие в общественных работах (строительство, ремонт зданий, прокладка дорог), ежегодные выдачи неимущим, театральные деньги, плата за участие в государственных органах (прежде всего судебных) позволяли афинским гражданам отлично обходиться и без земельного участка. Возникли очень благоприятные условия для создания целого контингента люмпенов, не занятых постоянной работой и даже не имевших частных владений, но обладавших всей полнотой государственных прав.

Именно люмпенство, рожденное из вполне благородной заботы государства о своих гражданах, люмпенство, основанное на флоресе, во многом сделало облик Афин непритягательным для остальных эллинов. «Разрушение древних традиций, а прежде всего традиции связи с землей, бросалось в глаза столь явно, что Фукидид был вынужден оправдывать своих сограждан подвижностью их характера, всегдашним их стремлением к новому [7. С. 13]».

Крах традиционных ценностей, нестабильная ситуация в регионе, непрекращающиеся боевые действия, в конце концов, привели общество к всеобъемлющему кризису идентичности. Помимо того, что, в каком-то смысле, «попав в экстремальные условия войны, они (люди) потеряли ощущение тождества личности и непрерывности времени» [8. С. 26], новые ментальные реалии, по видимому, привели к тому, что у значительного числа людей развилась так называемая негативная идентичность. По этому поводу Э. Эрикссон отмечал: «...негативная идентичность диктуется необходимостью найти свою нишу и защититься от чрезвычайных идеалов, либо требуемых болезненными амбициями родителей, либо актуализированных вышестоящими авторитетами» [8. С. 185].

Хотя Перикл и характеризовал Афины как место, где «бедность и темное происхождение или низкое общественное положение не мешают человеку занять почетную должность, если он способен оказать услуги государству» [9. II, 37, 1], однако существующее положение вещей, по сути, говорило словами Алкея: «...«Человек – богатство». Нет бедному славы, чести – нищему» [10. С. 297].

Даже избранный Клисфеном остракизм, изначально направленный на защиту гражданских прав и предотвращение возможной тирании, превратился в практически неуправляемый процесс, посредством которого демос высказывал скорее свое настроение, а не взвешенное мнение. Практически все выдающиеся (и не только) политики классического периода испытали на себе недовольство вверенного им демоса, выражавшегося, правда, в разных формах. Вот несколько ярких примеров: Мильтиад пережил два судебных процесса (за Херсонес и Парос); Аристид – остракизм; Фемистокл – остракизм, а затем и процесс; Кимон – процесс (за Македонию), а затем и остракизм; Фукидид, сын Мелесия, – остракизм; Перикл – два процесса накануне и в начале Пелопоннесской войны. Интересно, что модус обладания активно проявлялся не только среди малоимущих и среднеобеспеченных слоев населения Аттики (фиты и зевгиты), но и среди самых богатых представителей евпатридов. В первую очередь, мы имеем в виду знаменитого афинского политического деятеля второй половины V в. до н.э. Алкивиада.

Не стоит забывать, что в любом греческом городе, а особенно в Афинах, никогда не было недостатка в честолюбивых, энергичных людях, мечтавших о политической карьере. Здесь стоит привести слова Перикла: «Ведь только мы одни признаем человека, не занимающегося общественной деятельностью, не благонамеренным гражданином, а бесполезным обывателем» [9. II, 40, 2]. Более того, Греко-Персидские, а в особенности Пелопоннесская война стали очень благоприятной

почвой для проявления личностных качеств отдельных индивидуумов, причем реализовать себя в тот период можно было и гораздо эффективнее ввиду плохого функционирования политических институтов. Образ сильной личности, казавшийся плодом абстрактных размышлений философов и поэтов, неожиданно воплотился в реальные фигуры, а противоречия между традиционным, но отжившим строем и новыми, как казалось, более соответствующими природе устремлениями стали определяющей чертой политической и интеллектуальной жизни. Свое яркое воплощение эти новые тенденции впервые нашли в личности Алкивиада.

Алкивиад родился около 451/50 г. до н.э. и был отпрыском очень знатного и богатого рода. Его отец Клиний принадлежал к Скамбонидам и возводил свое происхождение к мифическому герою Эврисаку, сыну Аэнта, а через него – к самому Зевсу. Его мать Диномаха относилась к не менее древнему и еще более знаменитому роду Алкмеонидов. Предки Алкивиада играли видную роль в политической жизни Афин. Сильнее всего отличились дед отца Алкивиад и прадед матери Клисфен, которые стояли у истоков афинской демократии. Сам Алкивиад был щедро наделен от природы телесной силой, острым умом и, наконец, тем, что особо ценилось в древности – даром красноречия. Также он получил прекрасное по тем временам образование в школе софистов и у Сократа. Таким образом, этот человек обладал всеми необходимыми данными и ресурсами и даже сверх того, чтобы успешно участвовать в политической жизни родного города.

Однако с обращением Алкивиада к активной политической деятельности (после 422 г. до н.э.) для афинян открылся новый источник беспокорности. Неразборчивость в средствах, достижение поставленных целей любой ценой, равно как и разнузданный образ жизни, стали основными темами, маркирующими его биографию. Плутарх отмечает: «Но среди многих присущих ему от природы горячих страстей самой пылкой была жажда первенства и победы» [5. Т. 1. Алк., 2], подчеркивая тем самым, насколько важным было для Алкивиада первенствовать во всем. Это побуждало его добиваться первенства в играх и состязаниях у себя дома, в Афинах, и в Олимпии, где в 416 г. до н.э. Алкивиаду удалось одержать блестящую победу в состязаниях четырехколенных колесниц. Об этой победе пишут Фукидид, Исократ, Диодор, Плутарх и т.д. Это же честолюбие явилось мощным стимулом для выступления на политическом поприще. Главное, однако, состояло в том, что под влиянием новых тенденций, вызванных разложением традиций, кризисом идентичности, повлекших актуализацию софистической доктрины о естественном праве сильного, честолюбие Алкивиада было проникнуто безмерным эгоизмом, практически исключавшим подчинение идее общего блага. Очень показательные слова самого Алкивиада мы находим у Плутарха: «Он хотел повидаться с Периклом и пришел к дверям его дома. Ему ответили, что хозяину недосуг, что он размышляет над отчетом, который должен будет дать афинянам, и, уходя, Алкивиад заметил: «А не лучше ли было бы ему подумать о том, как вообще не давать отчетов» [5. Т. 1. Алк., 7]».

Главным свидетельством политической беспринципности Алкивиада было не только то, что он предал свой родной город и перешел на сторону его главного

врага – Спарты (хотя принадлежность к определенному полису нередко была даже важнее сословной принадлежности). Важно и то, что в изгнании он не отстаивал интересы какой-либо партии – ни демократов, ни олигархов, а преследовал лишь свои собственные цели.

Алкивиаду не раз приходилось менять союзников и даже удалось с триумфом возвратиться в Афины после изгнания и вынесения смертного приговора. Благодаря природной харизме, щедрости, блестящему красноречию и репутации удачливого командира этот человек всегда находил себе многочисленных сторонников. В Афинах его популярность, невзирая ни на что, всегда была чрезвычайно высока, однако именно этот аспект в сочетании с особенностями характера Алкивиада был причиной считать его наиболее вероятным кандидатом в тираны. «Большинство афинян испугалось крайней распущенности Алкивиада в его личной жизни и его широких планов во всем том, что он делал в каждом конкретном случае; опасаясь стремлений Алкивиада к тирании, они стали во враждебные к нему отношения» – писал об этом Фукидид [9. IV, 15, 4]. В конечном счете гонимый и демократами, и олигархами Алкивиад покидает Афины уже навсегда. Его жизненный путь оканчивается весьма предсказуемо – он был убит в результате заговора своих бывших союзников персов и спартанцев по инициативе Лисандра.

Жизнь Алкивиада являет собой яркий пример торжества эгоистического начала над коллективным (в данном случае полисным). По сути, такая модель поведения является ответной реакцией на вызов эпохи, предоставившей людям набор расформированных ценностей. Алкивиад оказался вытесненным из всех микро-социумов, в которых имел полное право находиться. Это человек, который стал продуктом традиционного конфликта между аристократией и демократией, более нового конфликта между демократией и олигархией и доселе невиданного конфликта гражданских ценностей с бурным развитием капиталистического начала. В таком контексте Алкивиад как личность, обладающая громадным потенциалом для реализации (здесь и происхождение, и образование, и благосостояние), вынужден был терпеть конкуренцию от тех, кто раньше даже не имел на нее права. Таким образом, перманентное ощущение собственной неполноценности, постоянно подпитываемое самой ситуацией в Афинском полисе (да и в Греции в целом), толкало Алкивиада на постоянное утверждение своего первенства во всем и везде (см. выше). Это ощущение негативной идентичности выразилось в том, что Алкивиаду было присуще то, что Фромм именовал модусом обладания.

Даже несмотря на масштаб разложения прежней системы ценностей находились и такие личности, которые не склонялись перед возгосподствовавшим модусом обладания, и в числе таких были всем известные Сократ, сын Софроникса, и Платон Афинский.

Жизнь Сократа – ярчайший пример торжества творческого начала ради него самого, ведь мудреца нельзя упрекнуть ни в корысти, ни в тщеславии, напротив, история сохранила массу примеров, доказывающих обратное: «...его можно было встретить на рыночной площади, в мастерской оружейника, сапожника, в гимназиях и палестрах (местах для занятия гимнастикой) –

словом, почти всюду, где он мог общаться с людьми и вести беседу. В то же время этот человек избегал выступлений в народном собрании, на суде, в других государственных учреждениях. Это был афинянин Сократ, сын Софроникса» [11. С. 51–52]. Сократ – первый истинный афинский философ. Он происходил из дема Алопека, входившего в афинский полис и расположенного в получасе ходьбы от столицы Аттики. Отец Сократа – Сафроникс, ремесленник-каменотес, а мать Финарета – повитуха (акушерка). Во время противостояния Афин и Спарты в Пелопонесской войне Сократ доблестно исполнял свой воинский долг. Он трижды участвовал в сражениях, в последний раз – в битве при Амфиопе в 422 г. до н.э., когда спартанцы разбили афинян (этой битвой закончился первый этап войны, по итогам которого в 421 г. до н.э. был подписан Никиев мир). В военных кампаниях второго периода войны Сократ непосредственно уже не участвовал, однако избежать косвенной сопричастности к ней ему все же не удалось. В 406 г. до н.э. афиняне одержали крупную морскую победу при Аргинусских островах, однако в связи с начавшейся бурей стратеги не смогли похоронить убитых, тем самым нарушив священный обычай (в религиозном сознании греков погребальным почестям отводилась важная роль). Понимая, чем это им грозит, на родину вернулись только шесть стратегов. Во время суда Сократ был единственным из пятидесяти пританов, кто до конца выступал в поддержку стратегов, тем не менее судебный процесс закончился вынесением смертного приговора для всех шести командующих афинского флота. Вот еще один случай, когда Сократ в очередной раз поставил правдоискательство выше материальных ценностей и одобрения власти: как-то ему было поручено привезти с острова Соломина известного богача Леонта; привезти для того, чтобы казнить (олигархи стремились завладеть его имуществом). Сократ выполнить поручение отказался, чем в очередной раз продемонстрировал свою самостоятельность и принципиальную позицию. А.Ф. Лосев по этому поводу эмоционально замечает: «Сократ едва избежал казни, да от кого? От тех, кого считали его учениками Крития и Хармида (Алкивиад к этому времени был убит в Малой Азии), давным-давно променявших трудное сократовское правдоискательство на политические интриги» [12. С. 25].

В конечном итоге жизненный путь Сократа закончился весьма предсказуемо – он был казнен за свои убеждения, от которых не отрекся ни на суде, ни перед смертью [13]. Однако его идеалы и убеждения оказали колоссальное влияние на юного Платона, который, возможно, не до конца это осознавая, сделал гораздо больше своего учителя для их распространения. Воспитанный в очень знатной семье в лучших традициях калогатии (от греческих слов «*calos*» – прекрасный и «*agathos*» – хороший), получивший прекрасное, по тем временам, образование у лучших и мудрейших мужей (Дионисий, Дракон, ученик Дамона, Аристотель из Аргоса и т.д.), он отказывается идти по, казалось бы, четко определенному пути политика и общественного деятеля. Пожалуй, главным основанием отказа Платона от одной из важнейших полисных ценностей – активного занятия общественно-политическими делами, послу-

жила именно гибель учителя, с которым он, без сомнения, себя идентифицировал. «Писанные законы и нравы поразительно извратились и пали, так что у меня, вначале исполненного рвения к занятию общественными делами, когда я смотрел на это и видел, как все пошло вразброд, в конце концов, потемнело в глазах» [14. С. 477]. Тем не менее, даже сконцентрировавшись на литературном творчестве, мыслитель не смог переступить через целый комплекс фиксированных установок его эпохи, связанных с общественно-политическим поприщем. Он сублимирует свою безграничную творческую энергию для создания проекта идеального государства, который безуспешно пытается реализовать за пределами Афинского полиса, ища благоволения сиракузских тиранов.

Несмотря на некоторый эгоистический и авторитарный оттенок своей политической теории, Платону удалось в наиболее четком для тогдашней эпохи виде сформулировать уязвимость греческой демократии. Главную ахиллесову пяту, которой он видел, если модернизировать его мысль (а без этой натяжки не обойтись, чтобы понять ее движение), в *непрофессионализме* отправления власти (вспомним классика: «кухарка не может управлять государством»). Непрофессионализме, приводящем к пагубным последствиям для многих. И, во многом, поэтому в основе политической мо-

дели философа четко прослеживается гуманистическая составляющая, очень ярко проявляющаяся в словах: «...никакое искусство и никакое правление не обеспечивает пользы для мастера, но, как мы тогда и говорили, оно обеспечивает ее и предписывает своему подчиненному, имея в виду то, что пригодно слабейшему, а не сильнейшему» [15. С. 103–104]. За образом же мудрого правителя платоновской утопии скрывается прозрение человека, испытавшего эти последствия и стремящегося найти средства избежать их.

Вот таким образом и выглядят «два полюса» одного полиса, показанные на примере персонажей, живших в одно время и в одном городе, но совершенно по-разному осознавших и распорядившихся своей индивидуальностью. Э.Д. Фролов пишет, что «именно в крайне осознанном индивидуализме Алкивиада следует искать основание его пресловутой политической беспринципности» [16. С. 18]. На наш взгляд, правильнее сказать, что ее следует искать в том, во что превратился этот индивидуализм, пройдя сквозь призму личности Алкивиада и его негативную идентичность. Существование Сократа и Платона – яркое доказательство того, что даже с ярко выраженным ощущением собственного Я в тот сложный период можно было делать что-то не только для себя, но и для коллектива, причем в интересах этого коллектива.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001.
2. Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб., 2001.
3. Бурдые П. Социология политики. М., 1990.
4. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986.
5. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. М.: Наука, 1994.
6. Штоль Г.В. История Древней Греции в биографиях. Смоленск: Русич, 2003.
7. Светлов Р.В. О Ксенофонте и его «Греческой истории // Ксенофонт. Греческая история. СПб., 2000.
8. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ.; Общ. ред. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 1996.
9. Фукидид. История / Перевод Стратановского. М.: Ладомир, 1999.
10. Хрестоматия по истории Древней Греции. М.: Греко-латинский кабинет, 2000.
11. Кессиди Ф.Х. Сократ. Ростов н/Д, 1999.
12. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. М., 2000.
13. Платон. Апология Сократа, Критон, Ион, Протагор. М.: Мысль, 1999.
14. Платон. Письма // Законы. М., 1999.
15. Платон. Избранные сочинения. М., 1994. Т. 3.
16. Фролов Э.Д. Греческие тираны (IV в. до н.э.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 июня 2010 г.